Лилия Луста

ЮНГА ПЕРВОГО НАБОРА

В доме Стабровых на стене среди многочисленных фотографий, картин привлекает лицо бравого, совсем юного моряка. Теперь в бородатом хозяине дома трудно найти сходство с портретом, а точнее, с автопортретом, написанным много лет назад. Только глаза того матросика Володьки и теперешнего Владимира Ивановича Стаброва не потеряли прежнего озорного блеска.

Скупо рассказывая о своей причастности к военному морскому братству, Владимир Иванович обронил фразу о том, что был выпускником первого набора первой и единственной в годы войны школы юнг.

Юнга первого набора,..

Когда началась война, Стабров-старший, работник НКВД, ушел добровольцем на фронт. Мать с двумя маленькими дочками уехала в деревню к родственникам, подальше от стремительно приближающегося фронта. А шестнадцатилетний курсант ремесленного училищ Володя Стабров остался в родном Курске.

В сентябре город под бомбежкой фашистской авиации готовился к эвакуации. Во время налетов мальчишки, не ведавшие страха, лазали по крышам и чердакам, сбрасывали “зажигалки”. Многие мечтали о фронте, героических поступках, а тут училище всем составом отправили на восток. Но, доехав до Стерлитамака, два Володьки, Стабров и Аспидов, дальше не поехали, а повернули на запад. Где в воинских эшелонах, где на машинах, где пешком добрались до Москвы. А фронт — вот он, рядом. Прибились к знаменитой Панфиловской дивизии.

Шустрого, легкого на ногу Володю Стаброва оставили в части вроде вестового. Все подальше от переднего края. Но однажды попал он в самую гущу боя, когда та и другая стороны схватились врукопашную. Все происходило, как во сне. Здоровенный фашист из всех сил двинул подвернувшегося мальчишку прикладом по голове. Потом, значительно позже, этот удар прикладом не раз напомнит о себе.

Чтобы уберечь пацанов от беды, отправили их в Москву. В промерзшей, ощетинившейся противотанковыми “ежами” столице им недолго пришлось бродить. Первый же военный патруль доставил их на сборный пункт, где собирали таких же бездомных, рвущихся на фронт мальчишек. Помыли, накормили, под замком не держали. Сказали только, что помогать Родине можно и в тылу. Через несколько дней поездом привезли всех в Пермь. И опять не понять, куда попали: то ли детдом, то ли ремесленное училище? Но вместо занятий — работа по сменам наравне со взрослыми на минном заводе. И дисциплина — военная. Так и продержались до лета 42-го года.

В июне прошел слух, что райком комсомола набирает курсантов в школу юнг. О юнгах Володя знал только, что они люди вроде бы военные. Тут уж устоять Стабров не мог. Упустить такой шанс — на фронт вернуться! В числе

первых явился в райком. А там первым делом спрашивают: “Комсомолец?”. Комсомолец, только документов на то никаких. Расспросили паренька. Написал он заявление, и тут же ему комсомольский билет вручили.

Спустя три дня эшелон увозил будущих юнг в Архангельск. Им не терпелось поскорее прибыть к месту назначения, почувствовать на губах соль морских брызг, пройтись по скользкой палубе уверенной валкой походочкой, присущей только морякам. Соль морских брызг и волн узнали сразу в северном порту во время погрузки на вполне мирный пароход. По шатким сходням мальчишки с трудом пробирались с причала на ускользающую под ногами палубу. Шторм, бушевавший в море, чувствовался и в гавани.

Двое суток, пока добирались до места, море словно испытывало их на прочность. Пароход качало так, что, казалось, он никогда не доберется до берега. И даже слух о том, что их, салажат, везут на Соловки, те самые, о которых говорили шепотом, не вызвал особого интереса. Только, когда пароход пошел вдоль островов, ребята высыпали на палубу, пытаясь увидеть “зону” со сторожевыми вышками по углам за колючей проволокой. А ничего такого не было. В небе сияло незаходящее в эту пору солнце, за бортом мирно катились белые барашки, и не хотелось думать о том, что где-то рядом идет война.

Десант будущих юнг высадился на острове Святого Савватея. В трехэтажном огромном здании оборудовали классы. На улице рядом поставили армейские палатки. На первом построении начальник школы капитан первого ранга Авраамов, оглядев прибывших, одетых в еще необмякшую форму, объявил, что одновременно с учебой они будут строить казармы, поскольку здесь не южный берег Крыма, а север. К морозам надлежало переехать на зимние квартиры.

Особой премудрости в строительстве не было. Сооружали для каждого взвода полуземлянки. Внутри, как в кубрике на корабле, нары с бортиками. Работа спорилась, потому как неукоснительно выполнялось еще очень важное дело: отощавшим, изголодавшимся мальчишкам было установлено усиленное питание. И это в самый разгар войны!

И все же на первом месте оставалась учеба. Владимир Стабров попал в роту радистов. Имея прекрасный музыкальный слух, он легко освоил азбуку Морзе, с интересом занимался радиоделом. Но даже при таком жестком режиме, строгой дисциплине мальчишки находили способы улизнуть - хоть ненадолго! - за пределы школы. Такое чистое небо над головой, пьянящий запах зеленеющих трав. А потом пошла черника.

На вечерней поверке старшина, командир взвода Чеботарев приказывал:

— Открыть рты! — и шел вдоль строя. — Два наряда вне очереди! — это тем, кто не избежал искушения полакомиться необыкновенно вкусной ягодой.

А какие на острове хрустальные озера! Манил своей суровой красотой и таинственностью монастырь, белеющий невдалеке. В одну из вылазок ребята наткнулись на бывший лагерь заключенных. В клубе с заколоченными окнами обнаружили целое богатство — бумагу, краски и много музыкальных инструментов. Стабров тут же прихватил гитару, на которой давно умел играть. Бумага и краски пригодились для стенгазет, которые выпускались в каждом

взводе, а гитара в руках Володи собирала вокруг него вечерами новых друзей.

Прослышал про те музыкальные посиделки старшина Сивков, бывший музыкант. Увидел склад музыкальных инструментов и ахнул: “Да тут их на целый оркестр хватит”. И оркестр появился. Нашлись среди будущих юнг и музыканты, и певцы, и танцоры, и даже акробаты. В Беломорск с концертами ездили. Там их на "ура” принимали. Ребят было не узнать. Даже Вилька Бирман, длинный, сутулый, с вечно оторванным хлястиком шинели и мокрым носом, на сцене преображался. На гитаре играл, как Бог.

Сейчас все это вспоминается с ощущением волнующей радости. Разве можно забыть ночные караулы, когда за каждым углом, казалось, притаился враг, как немела от долгого сидения спина у телеграфного аппарата? И кровавые мозоли на ладонях от весел (моряк все должен уметь). И наплывающую тоску ночами по потерянным родным. Где они теперь, Владимир не знал.

Как-то само собой повелось в их взводе вечерами помогать своим товарищам писать письма-запросы в разные концы страны в поисках родных. Усилия их были не напрасны. Перед окончанием учебы, в марте 43-го, пришло короткое сообщение, что мать и сестры Владимира Стаброва живут в Рязани.

...Соловки они и есть Соловки. Север. В марте, хоть и солнечно, а холодно, ветрено. В последний раз выстроились на плацу роты юнг. Начальник школы капитан первого ранга Авраамов, стоя в кругу офицеров, слегка щурился от блеска начищенных пуговиц, ременных блях на шинелях курсантов, старался окинуть взглядом ровные замершие шеренги. Давно ли встречал их здесь, на Соловках, расхристанных, полуголодных, раздетых, мало что умеющих, но уже познавших ужасы и пороки войны.

— Вы будете хорошими моряками. Мы надеемся, что никто из вас не опорочит чести своей школы юнг и своего первого выпуска. Вам защищать Родину! — потом добавил чуть дрогнувшим голосом, — будьте живы, сынки.

В морозной тишине далеко разносились торжественные слова военной присяги. С особым вниманием слушали ребята приказ о распределении по флотам. Стабров попал на Черноморский флот и сразу на гвардейский крейсер “Красный Кавказ”. Об этом корабле ходили целые легенды. И каждый из юнг тайно мечтал попасть служить именно сюда, на “Красный Кавказ”.

Но как бы ни радовался последним событиям в своей жизни Володя, его угнетало расставание с ребятами. Все-таки за недолгие месяцы учебы они сдружились, родилось неповторимое мужское братство. Ну, ничего не поделаешь. Служба есть служба. Прощайте, Соловки! Да здравствует Черное море!

...Состав из теплушек долго, тащился по обходной дороге, подальше от линии фронта. Володя задумчиво перебирал струны гитары.

- Скоро Рязань будет, — сказал кто-то.

- Рязань?!

Володю будто что-то толкнуло. Рязань! Ведь там его мать, сестренки.

Наверное, все-таки везучим был Володя Стабров. Ведь не где-нибудь, а в этом городе их эшелон задержали на несколько часов. Выслушав

взволнованную речь Володи, начальник эшелона разрешил отлучиться, строго предупредив об опоздании.

Мальчишка не шел, он летел, сломя голову, по указанному адресу. Больше всего боялся, что это далеко от вокзала, а оказалось, совсем рядом. Мать, увидев сына, упала в обморок. Юнга не узнал в худеньких со строгими личиками девчонках своих прежних смешливых сестренок Аллу и Ларису. Потом все они провожали Володю на вокзал. Счастливая встреча Стаброва взволновала его товарищей. У многих снова вспыхнул огонек надежды также найти своих родных, раскиданных войной неизвестно куда. Со всех вагонов тащили ребята масло, сахар, консервы. Каждому хотелось прикоснуться к теплой материнской руке. Что тут поделаешь, все они еще совсем мальчишки.

О службе на Черном море Владимир Иванович рассказывал очень скупо. Не сразу я поняла, почему он так настойчиво предлагал прочесть книгу о “Красном Кавказе”. В ней, действительно, подробно рассказывается о боевом пути экипажа этого корабля, чего не мог сделать Стабров. И все потому, что его служба проходила за бронированными стенами, в тесном замкнутом пространстве рубки боевого поста номер 1.

О жизни крейсера Стабров знал по текстам шифровок-радиограмм, которые он принимал. И нередко только после походов узнавал, что ходили именно под Севастополь или Керчь, высаживали с боем десантников.

Его, Стаброва и Горюнова, юнг-радистов, и здесь заставили учиться. Да иначе и не могло быть, ведь рядом работали радисты высочайшего класса. И старший поста Гульчак не давал пацанам спуску. А им так хотелось выскочить из этих бронированных ящиков на обдуваемую свежим морским ветром палубу, поразмяться от долгого неподвижного сидения у аппаратов.

Но служба Володе нравилась, поэтому все схватывал на лету. Салага выполнял команды с такой быстротой, что опытные наставники не скрывали удивления. Сметливого радиста приметили. В марте 1944 года он стал личным радистом командующего бригадой крейсеров Черноморского флота контр-адмирала Сергея Георгиевича Горшкова. Но от этого служба не стала легче. Наоборот. Бывало, по трое суток в походах не смыкал глаз. И под бомбежку попадали, и встречались с вражескими подводными лодками, и хоронили товарищей.

О подвигах черноморцев написано немало книг, а ведь далеко не каждый имел за свои подвиги правительственные награды. За что? Потопили вражескую лодку? Что ж, теперь всему экипажу в 1800 человек медали, ордена выдавать? Невозможно было выделить кого-то особо, потому что каждый вносил в эту победу свою лепту. От каждого зависела живучесть корабля, как и исход боя.

Однажды при высадке десанта под Новороссийском крейсер попал под мощный минометный обстрел. Стаброва, стоящего в этот момент на мостике, взрывной волной сбросило на палубу. В результате — болезненная трещина на голове. Из-за этой травмы при¬шлось проститься с мечтой об офицерской карьере, чего достигли многие юнги первого набора.

В 47-м старшину второй статьи двадцатидвухлетнего Стаброва списали

подчистую с флота. Медаль “Адмирал Ушаков” вручал лично ему легендарный контр-адмирал Горшков. Все-таки из тысяч матросов он выделял этого задиристого, не опускавшего глаза перед высоким начальством, не теряющегося в сложной обстановке. Вручая награду, контр-адмирал пожал по-юношески тонкую руку Володи и вдруг улыбнулся, заметив в его глазах озорные искры. И тот, и другой вспомнили об одном эпизоде.

…Однажды перед увольнением на берег Стабров опоздал на построение и, естественно, на катер, который уже отходил от борта корабля. Заманчиво было ухватиться за свисающий канат, прыгнуть прямо в руки отъезжающих друзей. И, возможно, так и поступил бы. Но тут за спиной раздался голос Горшкова.

- Мой катер к правому трапу!

- Ну, все, - похолодел Стабров. - Гауптвахты не избежать, - и повернулся к командующему.

Тот, не глядя на него, отдал новое распоряжение. Отправить этого матроса на берег.

Дважды такие команды не повторяются. Надо было видеть изумленные лица моряков на ушедшем вперед катере, когда мимо них лихо промчался катер контр-адмирала. Стабров, естественно, был на палубе, на виду всего честного народа.

Вот и весь рассказ о юнге первого набора. Это только небольшая частичка жизни Владимира Ивановича. Однако ее оказалось достаточно, чтобы навсегда полюбить море. Рядом с ним человек словно рождается заново, раскрываются такие скрытые резервы мужества и таланта, которых хватает на многие годы.

О Стаброве в селе говорят уважительно: мастер на все руки. Делает удивительные чеканки, рисует, мастерит по чертежам до мельчайших деталей старинные парусники-макеты, играет на многих музыкальных инструментах. Собственными руками отстроил дом, уютно вписавшийся в березняк на краю Овсянки.

И семья у него такая же прочная, как дом. С женой Ангелиной Викторовной в дружбе и согласии 45 лет прожили. Двоих сынов и дочь вырастили, образование всем дали. Шестеро внуков подрастают.

12 апреля 1995 года Владимиру Ивановичу исполнилось 70 лет.

...По ночам ему до сих пор снится море и застывший на горизонте корабль. И команды:

- Курсанты школы юнг первого набора, смирно! По-о взво- одно-о, право плечо вперед! Шаг-ом марш!

- Равнение на Знамя.»

- На флаг и гюйс.

Слышишь, Владимир Иванович, как шумит море? Оглянись! Видишь, как в высоком голубом небе плывут над островами строгие купола Соловецкого монастыря? Тихо! Словно никогда не было войны...

Май 1995 год.

(Из книги «Глаза войны»)

***

Ну и что ж, что весна,
Ну и что ж, что капель,
Не лишилась я сна
В соловьиную трель.

За окном ветерок
Треплет ветви берез.
Ветер вдруг занемог
Синим дождиком слез.

Плачут листья в саду,
Плачут окна в домах…
Этот дождь на беду,
Как прощальный твой взмах.

Эти капли дождя,
Сердца бешеный стук…
Не забыть никогда
Мне тепло твоих рук.

Ты не верь, дорогой,
Что к тебе холодна.
Каждой новой весной
Не бывает мне сна.

****

Ты помнишь, соловьиными ночами
Мы уходили в сонные луга…
Луна катилась тихо за плечами,
И, словно избы, высились стога.

И пар в ложбинах дымным одеялом
Дрожал в верхушках поседевших трав.
А там, над речкой, он катился валом,
Пленившего ее до самого утра.

Мир спит. А нам опять не спится,
Мы смотрим молча в звездный потолок.
И только потревоженная птица
Летит спросонья к зорям на восток.